

Периодические издания

героиню одного романа, графиню, и крестьянку Марю, жену своего соседа. Оригинальное сравнение этих двух полярных женских жизней приводит его къ тому выводу, что существованіе крестьянки гораздо полнѣе, нежели существованіе дамы высшаго свѣта. Жизнь послѣдней, несмотря на всѣ ея разнообразныя стороны— семью, дѣтей, любовь, удовольствія, эстетическія и умственныя наслажденія— всецѣло основана на томъ же купонѣ, т. е. на чужомъ покупномъ трудѣ, внезапное отсутствіе котораго перевернуло бы эту жизнь, что называется, верхъ дномъ. Жизнь же Мары покоится на трудовомъ началѣ, проникающемъ ее цѣликомъ и сообщающемъ этой жизни устойчивость и глубокой смыслъ. Авторъ рисуетъ привлекательную картинку, какъ молодая работающая жена вноситъ новую жизнь въ разрушавшуюся уже было крестьянскую семью, главный столпъ которой— старуха Агсинья уже отработалась и упокоилась въ могилѣ. Авторъ говоритъ въ заключеніе: „Именно „баба“ дала смыслъ всей многосложности труда, составляющаго жизнь крестьянскаго дома... На неразрывности женской и мужской трудовой жизни въ народной средѣ— я и утратилъ незамѣтнымъ для меня образомъ то чрезвычайно радостное ощущеніе „полноты“ существованія, которое получилось отъ чтенія „романа графини“... Все, что можетъ проявить въ жизни богато одаренная натура героини романа, все проявляетъ и Маря, съ тою только разницей, что ея полнота жизни неразрывно и во всѣхъ подробностяхъ слита, во-первыхъ, съ жизнью мужа, а, во-вторыхъ, далеко не отдѣлена отъ жизни общественной, мірской, въ которой она участвуетъ своею мыслью и своею работою“. Этотъ оптимистическій взглядъ автора на бабью долю умѣряется нѣсколько замѣчаніемъ, что „трудно пожелать кому-нибудь „отвѣдать“ на собственномъ опытѣ всю эту „полноту“ теперешней деревенской нищеты, тяготы и всякой недостаи, одинаково знакомыхъ какъ мужскому, такъ и женскому населенію деревни“. Позволимъ себѣ замѣтить, что даже не „одинаково“, а болѣе знакомыхъ именно бабѣ. Если *сущность* жизни крестьянки представляется болѣе осмысленной и болѣе нравственною сравнительно съ сущностью жизни какой-нибудь графини, то какою же дорогою цѣной она покупается? Цѣною вѣчнаго каторжнаго труда со стороны хотя страшно выносливаго, но слабѣйшаго организма, несущаго на себѣ, кромѣ того, всю тяжесть безпрестанныхъ родовъ и всевозможныхъ женскихъ болѣзней. Какая ужъ тутъ „полнота“! Да и развѣ полнота человѣческаго существованія вообще исчерпывается однимъ „взаннымъ сотрудничествомъ“ мужа и жены, восхищающимъ автора въ народной средѣ? Развѣ „разносторонность бабьихъ дѣлъ“ исчерпываетъ разносторонность жизни вообще? Гдѣ же другія блага жизни, кромѣ труда? Смыслъ существованія и вообще жизни для нихъ обоихъ (мужина и бабы) получается только тогда, когда они „вмѣстѣ“ и „вмѣстѣ во всемъ“ говоритъ г. Успенскій. Но это „вмѣстѣ во всемъ“— нѣтъ, опять-таки въ одной работѣ, а не въ правахъ личности на счастье и человѣческое достоинство хотя бы среди равныхъ себѣ по социальному положенію, иначе у насъ не было бы всякому извѣстныхъ специально бабьихъ стонковъ.

Въ мартовской книгѣ *Сысрпана Вѣстника* помѣщено произведеніе одного молодого писателя, г. Чехова, обратившаго на себя недавно вниманіе сборниками своихъ мелкихъ очерковъ: *Шестрые рассказы* и *Въ сумерки*. Критика справедливо отмѣтила ихъ въ массѣ другихъ новыхъ беллетристическихъ изданій, такъ какъ многіе изъ этихъ очерковъ об-

наруживаютъ въ авторѣ несомнѣнный и симпатичный талантъ. Нынѣ г. Чеховъ впервые выступаетъ съ большою журнальною вещью, озаглавленною *Степь*, и этотъ фактъ естественно привлекаетъ къ себѣ вниманіе обозрѣвателя. Содержаніе этого большого очерка не поддается пересказу, потому что онъ всецѣло принадлежитъ къ разряду пластическихъ, чисто-описательныхъ произведеній. Это не „исторія“ одной поѣздки, какъ называется ее самъ авторъ: это — „описание“ поѣздки по степи или просто „описание степи“ въ разное время дня и ночи, при всевозможныхъ свѣтовыхъ эффектахъ: видъ степи на разсвѣтѣ и на закатѣ, въ зной и въ бурю, во время вихря и затишья и т. д. Всякій камешекъ, травка, крикъ и полетъ различныхъ степныхъ птицъ, — ничто въ этой картинѣ не ускользнуло отъ самаго тщательнаго, добросовѣстнаго описанія. Монотонный пейзажъ раздвѣчивается, впрочемъ, присутствіемъ человеческихъ существъ. Сначала по степи ѣдетъ бричка, въ которой сидятъ нѣкие отецъ Христофоръ и торговецъ шерстью Кузьмичевъ съ своимъ племянникомъ Егорушкой. Они ѣдутъ куда-то, но какъ имъ — то дѣламъ и кетати везутъ отдавать въ гимназію мальчика Егорушку. Послѣдній служитъ путеводною нитью разсказа, и вотъ, когда его зачѣмъ-то, единственно въ угоду автору, перебрасываютъ изъ брички на обозъ съ шерстью, то передъ читателемъ на цѣлыхъ десяткахъ страницъ тянется этотъ нескончаемый обозъ съ подробнѣйшимъ и мельчайшимъ описаніемъ всѣхъ остановокъ, приваловъ и людей, его сопровождающихъ. Наконецъ, степь кончилась, обозъ куда-то доѣхалъ и виновникъ длиннаго повѣствованія, слава Богу, пристроенъ на житье въ городѣ. Вотъ и все содержаніе *Степи* г. Чехова, представляющей собою, признаться, тоже довольно утомительную, безплодную литературную степь. Можно бы ожидать, что авторъ, приурочивъ описаніе степи къ личности Егорушки, хотѣлъ показать вліяніе природы на дѣтскую душу, — какія чувства или образы пробуждаетъ первая въ послѣдней, — но ничего этого нѣтъ: степь съ обозомъ — сама по себѣ, а страшно скучающій, измученный утомительнымъ путешествіемъ ребенокъ — самъ по себѣ.

Вообще трудно сказать даже, ради чего написана эта вещь и кто къ чему пристроенъ въ ней — люди къ природѣ или природа къ людямъ, потому что въ отношеніи и къ той, и къ другимъ авторъ соблюдаетъ совершенно одинаковую, однообразную и „скучную“ манеру письма. Такъ, напримѣръ, возчики, странствующие съ обозомъ, представляютъ блѣдно нарисованные типы, слабо очерченныя индивидуальности, и главное вниманіе автора опять-таки сосредоточено на ихъ внѣшности: самымъ тщательнымъ образомъ описаны наружность возчиковъ, ихъ походка, манера, съ какою каждый изъ нихъ ѣсть, пьетъ, купается и т. д. Обращеніемъ мелочной добросовѣстности автора въ описаніяхъ можетъ служить, напримѣръ, слѣдующая фотографія: „Слѣдующій за нимъ подводчикъ представлялъ изъ себя длинную, прямолинейную фигуру съ сильно покатыми плечами и съ плоскою, какъ доска, спиной. Онъ держался прямо, какъ будто маршировалъ или проглотилъ аршинъ, руки у него висѣли, а отвисали, какъ прямыя палки, и шагаль онъ какъ-то деревянно, на манеръ игрушечныхъ солдатиковъ, почти не сгибая колѣнъ, стараясь сдѣлать шагъ возможно пошире; когда старикъ или обладатель губчатой шишки дѣлали по два шага, онъ успѣвалъ дѣлать только одинъ, и потому казалось, что онъ идетъ медленнѣе всѣхъ и отстаесть. Лицо у него было подвизано тряпкой и на головѣ торчало что-то вро-